

Основано в 1866 г.
РОССИЙСКОЕ
ИСТОРИЧЕСКОЕ
ОБЩЕСТВО

ПРЕДИСЛОВИЕ

Ошибочно думать, что народы и общества живут в настоящем. Настоящее почти неуловимо.

Гораздо более живут властью прошлого и притяжением грядущего.

Н. А. Бердяев

Историческая повесть и роман в Советской России и литературе русской эмиграции первой волны — тема поистине неисчерпаемая. Предлагаемые вниманию читателей произведения лишь частично удовлетворят потребность в знакомстве с этим богатым литературно-художественным наследием. Но даже те немногие тексты, что собраны здесь под одной обложкой, дадут представление о культурно-историческом контексте эпохи, которая вызвала взлет писательского интереса к прошлому нашей Родины, в Октябре 1917 года вступившей в новое историческое пространство и время.

Характерные для пореволюционной Советской России и русского зарубежья направления беспокойной футурологической мысли и контрапункты историософских споров представлены не самыми известными сегодня романами и повестями. Но все они вышли из-под пера блестящих беллетристов, которым русское слово представлялось величайшей культурной ценностью, мыслителей, для которых факты истории были поводом для создания оригинальных историософских концепций. Вдумчивое чтение обнаружит внутреннее родство на первый взгляд чрезвычайно далеких художественных миров, выявит парадоксальную идейную солидарность тех, кто в катастрофический момент русской истории оказался на противоположных сторонах классовых баррикад. В Октябрьскую революцию, в годы Гражданской войны «стена против стены стояли две братские армии, и у каждой была своя правда и своя честь. <...> Были герои и там, и тут; и чистые сердца тоже, и жертвы, и подвиги».

ги, и ожесточение, и высокая, внекнижная человечность»¹, — писал в эмиграции М. Осоргин. Равенство красных и белых в страдании и верности своим идеалам — «Белый был — красным стал: / Кровь обагрила. / Красным был — белый стал: / Смерть побелила» — признано было не только на чужбине, но и в Советской России М. Булгаковым, А. Платоновым, А. Ахматовой, Б. Пильняком, Вс. Ивановым и оправдано общей для белого и красного стана тревожной мыслью о будущем Родины. «Помните о России, думайте о России», — призывал интеллигенцию в 1919 г. И. М. Василевский². «Будет ли существовать Россия», — тревожился в 1929 году Г. П. Федотов³. Эту «думу о главном» разделили писатели зарубежья и метрополии — Сергей Есенин: «Россия! Сердцу милый край, / Душа сжимается от боли», Марина Цветаева: «И рыщет ветер, рыщет по степи: / — Россия! — Мученица!», Павел Васильев: «Не добраться к тебе! На чужом берегу / Я останусь один, чтобы песня окрепла, / Все равно в этом гиблом, пропащем снегу / Я тебя дорисую хоть дымом, хоть пеплом!», Георгий Адамович: «Когда мы в Россию вернемся... о, Гамлет восточный, когда?»...

Новеллистика 1920-х годов, собранная в этих книгах, представляет две ветви рассеченного Октябрьской революцией тысячелетнего древа русской литературы. К 1922 году за рубежом оказалось примерно от трех до четырех миллионов беженцев из России. Среди них члены Совета министров, Государственного совета и Государственной думы, дипломаты, промышленники, священники Русской православной церкви, офицеры, ученые, инженеры, философы, писатели и артисты, музыканты и художники. Они основывали русские университеты, гимназии, театры, библиотеки, издательства и архивы. Создали сотни редакций газет и журналов — в Берлине, Праге, Белграде, Софии, Париже, Харбине. Возрождали русскую литературу на чужой земле. С трудом приживаясь на чужбине, литературное творчество эмиграции питалось соками вскормившей ее почвы — унесенными из России богатыми дарами самостоятельной философской мыс-

¹ Осоргин М. Сивцев Вражек. М.: Московский рабочий, 1990. С. 268.

² Василевский И. М. Россия будет! // «Современное слово». 1919. 6 ноября.

³ Федотов Г. П. Будет ли существовать Россия? // Вестник Русского Студенческого Христианского Движения. № 1–2. 1929. С. 13.

ли, расцветом поэзии и эстетической чувствительности, религиозными исканиями¹. Жадно всматривались писатели русского зарубежья в обновляемую революцией культуру и быт изгнавшей их страны. Издалека им виделись «новые зори» на небе Родины, и «чувство заката и гибели» соединялось с надеждой на преобразование жизни², которому они хотели служить: «Я не в изгнание, я в посланье». Эта известная строка из стихотворения Н. Н. Берберовой, ставшая лозунгом русской эмиграции первой волны, — свидетельство того, что русское зарубежье не хотело жить лишь воспоминаниями и воображением, что ей нужна была «помощь жизни», чтобы «додержаться до лучших дней», то есть до возвращения в Россию»³.

Между тем в метрополии в угоду утвержденным пролетарской революцией классовым ценностям упразднялась имперская топонимика, ежегодное районирование уничтожало исторические границы старинных поселений, разрушались дворцы, дворянские усадьбы, древние монастыри, сравнивались с землей или затоплялись церковные погосты, уничтожались памятники, воздвигнутые «в честь царей и их слуг». Это был обдуманый курс на уничтожение «карты памяти» бывшей империи, на который откликнулась, восторженно встрепенувшись, «кровью умытая» Русь. В Стране Советов формировалась новая государственная и личностная идентичность. В ней, как ожидалось, должно было воплотиться марксистское учение о коммунизме, она должна была произвести небывалую человеческую популяцию, бытовая, житейская природа которой оставалась тем не менее малопривлекательной не только широким народным массам, но и самим идеологам перемен. Пока что Россия, подобно героям платоновского романа «Чевенгур», вступала в социализм как в монастырь, меняя облик свой и имя, разрывая родственную связь с собственной биографией: «Хромого звали Федором Достоевским: так он сам себя перерегистрировал в специальном протоколе в честь памяти известного писателя <...> и постановил <...> предложить всем гражданам пересмотреть свои прозвища <...>. Та-

¹ *Зернов Н.* Русское религиозное возрождение XX века. Париж: YMCA-press, 1974. С. 74–75.

² *Зернов Н.* Там же.

³ *Струве Г.* Русская литература в изгнании. Нью-Йорк: Издательство имени Чехова, 1956. С. 142.

ким порядком по регистру переименования прошло двое граждан: Степан Чечер стал Христофором Колумбом, а колодезник Петр Грудин — Францем Мерингом <...>. Федор Достоевский <...> послал запрос в волревком — были ли Колумб и Меринг достойными людьми, чтобы их имена брать за образцы дальнейшей жизни <...>. Ответа волревком еще не прислал. Степан Чечер и Петр Грудин жили почти безымянными»¹. Знаком «самым тревожным — мистически значительным» назвал в 1919 году пребывавший уже в эмиграции Г. П. Федотов забвение самого имени России: «Все знают, что прикрывающие ее четыре буквы СССР не содержат и намека на ее имя, что эта государственная формация мыслима в любой части света: в Восточной Азии, в Южной Америке. В зарубежье, которое призвано хранить память о России, возникают течения, группы, которые стирают ее имя: не Россия, а «Союз народов Восточной Европы»; не Россия, а «Евразия». О чем говорят эти факты? О том, что Россия становится географическим и этнографическим пространством, бессодержательным, как бы пустым»². Подводя в 1934 году итоги социалистическому жизнетворчеству первого пореволюционного десятилетия, А. М. Горький указал на знаменательно обновленную символику цвета и формы с детства знакомого пейзажа: «...исчезла его нищенская пестрота, голубоватая полоска овса, рядом с нею — черный клочок вспаханной земли, золотая лента ржи, зеленоватая — пшеницы <...> а в общем — разноцветная печаль всеобщего раздробления, разорванности. В наши дни огромное пространство земли окрашено могуче, одноцветно <...> над селом и уездным городом возвышается не церковь, а огромные здания общественного назначения»³.

Страна «меняла кожу».

И если в политической повестке дня стояло тотальное уничтожение следов прошлого ради творчества новой жизни, то в литературе «глухое брожение в недрах «общественной идеологии»⁴

¹ Архив А. П. Платонова. Книга 2. Описание рукописи романа «Чевенгур». Динамическая транскрипция. Научное издание. М.: ИМЛИ РАН, 2019. С. 205.

² Федотов Г. П. Указ. соч. С. 13.

³ Первый Всесоюзный съезд советских писателей. М.: ГИХЛ, 1934. С. 14.

⁴ Медведев П. Н. Формальный метод в литературоведении // Бахтин М. М. Фрейдизм. Формальный метод в литературоведении. Марксизм и философия языка. Статьи. М.: Лабиринт, 2000. С. 199.

претворялось в историософское исследование человеческого опыта, осуществлявшегося в литературно-документальных формах воспоминаний и исторической прозы. Обращаясь к корням «окайных дней», литература, как метрополии, так и зарубежья, не воспроизводила, а конструировала свое прошлое. Содержательно непродуктивны будут попытки определить, где в исторической прозе 1920-х годов документальность вытеснена вымыслом, а вымысел подтвержден документом. Привлекая исторические первоисточники, писатель преследовал иную, чем достоверная реконструкция прошлого, задачу. Он взял на себя важнейшую миссию времени — ценностную интерпретацию событий былого. Как писал Н. А. Бердяев, «в действительности из прошлого нельзя сделать «*tabula rasa*» <...>. Уничтожить можно только мертвое, изолгавшееся, сгнившее прошлое, мешавшее развитию жизни, но не живое, не ценное, не приобретенное для вечности»¹. Но как отделить жизнеспособное, полезное, потребное от гнилого, тлетворного, вредного в собственном прошлом? Литератору это сделать легче, чем историку, ограниченному собственным профессионализмом. Труд по очищению и строительству новой исторической памяти, превосходящий по идеологической и воспитательной значимости усилия историка-архивиста, источниковеда, берут на себя художники слова — авторы публикуемых здесь произведений. Для них история — это способ откликнуться на современные темы, опрокинутая в прошлое футурология, не воспоминания, а пророчество.

Романы и повести П. Н. Краснова «С Ермаком на Сибирь», А. П. Платонова «Епифанские шлюзы», Ю. Н. Тынянова «Подпоручик Кижэ», М. А. Алданова «Заговор», «Императоры» Г. И. Чулкова восстанавливают родословие русской государственности и русской разрушительной революционности, историю русского консерватизма и либерализма. Их авторы ищут истоки западничества и славянофильства, исследуют природу отечественной безумной тирании и русского дикого, беспощадного бунта, героизма и трусости, верности идеалам и предательства. На свой вкус они выбирают поворотные моменты российской истории, находя в них опору для строительства будущего страны. В повести Краснова поход казаков на Сибирь предстает как центральное событие русского средневековья, произошедший

¹ Бердяев Н. Власть прошлого и грядущее // Русские новости. 1945. 20 июля.

в годы правления едва ли не самого жестокого и безумного деспота на русском троне, Ивана Грозного. Но с его именем в повести ассоциируется становление российской государственности, стремительное расширение исторических границ Древней Руси, поощрение купеческого предпринимательства, становление национальной промышленности, укрепление торговых связей с Европой, создание военных и торговых форпостов в Сибири. «Беды и несчастья словно бы отступают перед картинами величия русского духа, красотой природы русской, перед силой веры и блеском славы», — пишет Д. Д. Николаев¹. Краснов ищет в русском прошлом героя, с которого надо брать пример новым поколениям россиян. И это не Степан Разин, воспетый в 1920-е годы в метрополии В. Каменским, Чапыгиным, Ал. Алтаевым, не Пугачев, изображенный С. Есениным и С. А. Ауслендером, не Болотников, о котором писали М. М. Шишкевич и Г. Шторм. Это верный царю и отечеству православный воин Ермак — носитель созидательного, объединяющего начала, служащего строительству и укреплению русской государственности. Нельзя не согласиться с А. Г. Гачевой, писавшей, что русские эмигранты первой волны XX века не были похожи на своих предшественников в XIX веке: «Тогда понятие «эмигрант» устойчиво соотносили с западничеством и космополитизмом. <...> Эмиграция 1920-х годов была совершенно иной. <...> история, <...> самосознание страны пеплом Клааса стучали в ее сердце»².

Символична идейно-содержательная и стилевая переключка, возникшая между повестями Краснова «С Ермаком на Сибирь» и Г. П. Блока «Московляне». Последняя была создана в Советской России спустя шесть лет после победы СССР в Великой Отечественной войне. С момента, когда гитлеровские войска нарушили границы СССР, сопротивление врагу, как показывает военная публицистика³, приобрела общенарод-

¹ Николаев Д. Д. Русская проза 1920–1930-х годов. Авантюрная, фантастическая и историческая проза. М.: ИМЛИ РАН, 2006. С. 520.

² Гачева А. Г. Идея «Третьей России» и пореволюционные течения русской эмиграции. // В поисках новой идеологии: социокультурные аспекты русского литературного процесса 1920–1930-х годов. М.: ИМЛИ РАН. 2010. С. 375.

³ Президентская историческая библиотека. 1941–1945. Победа. V. Публицистика / сост. вступительная статья и биографическая справка О. В. Быстровой. М.: Эксмо, 2020. 448 с.

ный характер. Забили засоренные классовыми битвами ключи национального самосознания, сплотившего все силы страны ради сохранения государственности, во имя независимого и свободного существования Родины в семье народов мира. Возрожденный в предвоенные годы культ героев-строителей России — св. Александра Невского, Петра Великого, Суворова, Кутузова, ее певцов — Пушкина и Л. Н. Толстого в годы войны дополнился признанием заслуг православной русской церкви. По слову Н. А. Бердяева, происходило «выпрямление основной линии становления, т. е. более правильное, более гармоническое соотношение между властью прошлого и притяжением грядущего»¹. Прошлое и грядущее должны были сомкнуться в вечно ценном, непреходящем, имя которому Отечество, чтобы дать обществу силы жить и строить свою страну. Таинственному смыканию времен, каждый по-своему, служат публикуемые здесь повести П. Н. Краснова и советского ученого-филолога Г. П. Блока.

Иную модель истории представляют «Епифанские шлюзы» А. П. Платонова, «Подпоручик Киж» Ю. Н. Тынянова, «Императоры» Г. И. Чулкова. Может создаться впечатление, что их авторы выполняли социальный заказ отряхнуть прах прошлого со своих ног, так как они избрали тактику развенчания исторической роли богоподобных монархов. Чудовищным извращенцем представлен Петр I у Платонова, полубезумным деспотом Тынянов изобразил Павла I, «надклассовым» романтиком видится он Чулкову... Но так ли это? Выверт нездоровой психики, слабость характера, особенности воспитания, мешающие сделать судьбоносный выбор, «маленький человек» вместо героической личности и непредсказуемое стечение обстоятельств — таковы характерные черты художественного строя этих исторических нарративов, демонтирующих миф о царе-космократоре или романтическом мессии с их способностью менять русло исторического потока. На самом деле трагические развязки платоновских, тыняновских, чулковских новелл возвращали в советскую литературу главный вопрос, заданный еще русской классикой, о нравственной цене исторического прогресса и звучали угрозой тем, кто победоносными пятилетками разметил движение Советской страны к светлому будущему и пренебрег действи-

¹ Бердяев Н. Указ. соч.

ем сил единичных, непредсказуемых, особенных. В сомнениях и пессимизме, однако, нет разрушительного начала. Обращение к прошлому России для каждого из авторов публикуемых здесь произведений было своего рода мыслительным экспериментом, цель которого выяснить, какие психологические и идейные ресурсы в обществе служили укреплению и процветанию страны, какие были способны ее ослабить и разрушить. При всем разнообразии и пестроте образов, сюжетов, идейного содержания произведений, представляемых ныне читателю, они объединены волей их авторов служить своей Родине, действовать ей на благо, во имя ее будущего.

Дарья Московская

ЕПИФАНСКИЕ ШЛЮЗЫ

М. А. Кашинцевой

I

«Сколь разумны чудеса природы, дорогой брат мой Бертран! Сколь обильна сокровенность пространств, то непостижимо даже самому благородному сердцу! Зришь ли ты, хотя бы умозрительно, местожительство своего брата в глубине азийского континента? Ведомо мне, того ты не уможстигаешь. Ведомо мне, что твои взоры очарованы многошумной Еуропой и многочисленностью родного моего Ньюкестля, где мореплавателей всегда изрядно и есть чем утешиться образованному взору.

Тем усерднее сосредоточится скорбь во мне по родине, тем явственней свербит во мне тоска пустынножительства.

Россы мягки нравом, послушны и терпеливы в долгих и тяжких трудах, но дики и мрачны в невежестве своем. Уста мои срослись от безмолвия просвещенной речи. Токмо условные сигналы десятским¹ я подаю на сооружениях своих, а они команду рабочим громко говорят.

Натура в сих местах обильна: корабельные леса все реки в уют одели, да и равнины почитай ими сплошь укрыты. Алчный зверь наравне с человеком себе жизнь промышляет, и сельские россы великое беспокойство от них держат.

Однако зерна и говядины здесь вдосталь, и обильное питание утучнение мне учинило, несмотря на мою душевную скорбь об Ньюкестле.

Это письмо не столько подробно, как предыдущее. Купцы, отправляющиеся в Азов, Кафу и Константинополь², уже починили свои корабли и готовятся к отлучке. Я с ними и посылаю эту графическую посылку, дабы она скорее достала Ньюкестля.

¹ Низшая ступень руководителя, надсмотрщика.

² Маршрут купцов проходил по черноморскому побережью через турецкую крепость Азов, в 1696 г. взятой Петром I, Феодосию (в русских источниках до XVIII в. именовавшуюся Кафой) в Стамбул — с 1453 по 1930 г. именовавшийся Константинополем.

А негоцианты спешат, ибо Танаид¹ может усохнуть и тогда не поднимет грузные корабли. А просьба моя невелика, и тебя с такого дела станет.

Царь Петер весьма могучий человек, хотя и разбродный и шумный понапрасну. Его разумение подобно его стране: по-таенно обильностью, но дико лесной и зверной очевидностью.

Однако к иноземным корабельщикам он целокупно благо-склонен и яростен на щедрость им.

На устье реки Воронеж построен мной двухкамерный шлюз с перемычкой, что дало помощь починкам кораблей на суше, не причиняя им большой ломки. Устроил я также большую перемычку и шлюз с воротами, придав ему размеры, достаточные для пропуска воды. Потом устроил другой шлюз с двумя большими воротами, через которые могли бы проходить большие корабли так, что их можно бы запираť во всякое время в пространстве, огражденном перемычкою, и спускать с него воду, когда корабли войдут в него.

И в той работе прошло шестнадцать месяцев. А с тем пришла другая работа. Царь Петер остался доволен трудами моими и приказал строить другой шлюз выше, дабы сделать реку Воронеж судоходною до самого города для кораблей в восемьдесят пушек. И эту тягость я снес в десять месяцев, и ничего с сооружениями моими не станется, пока свет стоит. Хотя и слаб грунт в месте шлюза и били могучие ключи. Немецкие помпы стали слабосильны от ключей, и шесть недель стояла работа от обильности тех ключей. Тогда мы изготовили машину, коя двенадцать бочек воды в минуту истребляла и работала без утиха восемь месяцев, и тогда мы посуху в глубь котлована пошли.

После столь понудных трудов Петер поцеловал меня и вручил тысячу рублей серебром, что немаловажные деньги. Еще сказал мне царь, что и Леонардо да Винчи, изобретатель шлюзов, не устроил бы лучше.

А сурьезность моей мысли в том, что я хочу тебя, любимый мой Бертран, позвать в Россию. Здесь весьма к инженерам щедры, а Петер большой затейщик на инженерные дела. Самолично я услышал от него, что есть нужда в устройстве канала меж Доном и Окою, могучими туземными реками.

¹ Древнегреческое название Дона, употреблявшееся в иностранных источниках.

Царь желает создать сплошной водный тракт меж Балтикой и Черным и Каспийским морем, дабы превозмочь обширные пространства континента в Индию, в Средиземные царства и в Европу. Сие зело задумано царем. А догадку к тому подает торговля и купецкое сословие, кое все почитай промышляет в Москве и смежных городах; да и богатства страны расположение имеют в глубине континента, откель нету выхода, кроме как сплотить каналами великие реки и плавать по ним сплошь от персов до Санкт-Петербурга и от Афин до Москвы, а также под Урал, на Ладогу, в Калмыцкие степи и далее.

Но туго царю Петеру надобны инженера для столького дела. Ведь канал меж Доном и Окой немалое дело, и тут потребно усердие большое и пущее знание.

Вот я и обещал Петеру-царю, что позову из Ньюкестля брата Бертрана, а сам устал, да и невесту я люблю и соскучился. Четыре года в дикарях живу, и сердце ссохлось, и разум тухнет.

Напиши против сего писания твое решение по такому случаю, а я даю тебе совет, чтоб ехать. Трудно тебе будет, но через пять лет поедешь в Ньюкестль в избытке и кончишь жизнь на родине в покое и достатке. Для сего не скорбно потрудиться.

Передай мою любовь и тоску невесте моей Анне, а через малую длительность я вернусь. Скажи ей, что я уже питаюсь только кровотоцием своего сердца по ней, и пускай она дожидется меня. А затем прощай меня и глянь ласково на милое море, на веселый Ньюкестль и на всю родимую Англию.

Твой брат и друг, инженер

Вильям Перри.

1708 лета осьмого аугуста».

II

Весною 1709 года в первую навигацию в Санкт-Петербург прибыл Бертран Перри.

Путешествие из Ньюкестля он совершил на старом судне «Мери», много раз выдавшем и австралийские, и южноафриканские порты.

Капитан Сутерленд пожал Перри руку и пожелал доброго пути в страшную страну и скорого возвращения к родному очагу. Бертран его поблагодарил и ступил на землю — в чуждый город, в обширную страну, где его ожидала трудная работа, одиночество и, быть может, ранняя гибель.